

**Человек и эпоха в современной прозе о деревне (на примере творчества
А.Варламова и Т.Галиуллина)**

деревенская проза, повесть, публицистическое начало, автобиография

Смена художественных парадигм в литературном процессе конца XX века по-разному отражается в прозе современных писателей. Заметно усиливается лирическое начало, проявляющееся в субъективизации повествования; предметом критического осмысления становится тоталитарное прошлое, отсюда – публицистическая направленность многих произведений. Выделенные тенденции можно проследить и в русской, и в татарской литературах, вместе с тем отличительной особенностью татарской прозы становится повышенный интерес к национальной тематике, стремление авторов найти основы национальной идентичности.

Примером могут служить автобиографические произведения, в частности, мы остановились на двух произведениях: повести А.Варламова «Дом в деревне» и Т.Галиуллина «Гомер тэлгэшлэре» («Грозди жизни»), которые бесспорно относятся к деревенской тематике. Цель статьи – показать особенности отражения жизни человека и эпохи в произведениях русского и татарского писателей, выявить специфику раскрытия внутреннего мира человека из деревни в произведении Т.Галиуллина.

Как отмечают исследователи, «после достаточно долгого пути развития деревенская проза пришла к мысли об утрате крестьянского мира и его ценностей. Появилось общее желание их зафиксировать, проговорить в пространстве художественно-публицистического текста, что и было сделано В.Беловым в книге очерков «Лад»» [Современный 2017: 5]. Поэтому и сюжет повести А.Варламова «Дом в деревне» мы можем воспринимать как поиск беловского лада в российской глубинке, однако, в отличие от деревенской прозы 1960-х годов, показывающей идеального героя, во многом автобиографический персонаж А.Варламова не находит в деревне идеального человека, подчеркивается отсутствие «лада» в современной деревне.

Повесть Т.Галиуллина «Грозди жизни» погружает читателя в мир детских воспоминаний, памятные даты всплывают в сознании писателя и позволяют ему открыть сокровенные уголки своей собственной души. С глубокой ностальгией автор вспоминает родные места, леса, поля, цветки подснежника, красоты родной деревни Кычытканлы. В памяти писателя всплывают образы родителей, сестер, односельчан, без которых невозможно представить человеческое существование.

Символично название произведения: грозди жизни – это те скрепы, без которых невозможно представить жизнь человека. Повесть состоит из пяти небольших глав, каждая из которых открывает определенную грань эпохи: события интерпретируются с точки зрения истории страны и истории татарского народа. Писатель позволяет читателю перелистать страницы прошлого, включиться в диалог с миром.

Центральная мысль повести заявлена уже в начале произведения: «Душа деревни – вечность», татарский писатель не может порвать с традиционной автобиографией. Как А.Еники в автобиографическом романе «Последняя книга» связывает страницы прошлого с именами выдающихся представителей татарской нации, так и Т.Галиуллин связывает уже в самом начале произведения уголки родины с именами представителей татарской литературы: Тукаем, Камалом, Туфаном и др. Воскрешая картины прошлого, он показывает неразрывную связь деревни с именами тех людей, которые в советское время стояли у руля, ему важно показать, какие изменения произошли в жизни его родной деревни в разные периоды истории; он не оставляет в стороне и проблемы 60-80-х годов, когда молодежь начала переселяться в города и

многие деревни опустели, но в то же время вводит в повесть оптимистическую ноту: «Тормыш яхшы якка үзгәрә» (Жизнь поворачивается в лучшую сторону¹).

Повествуя о роли прошлого в сохранении национальной основы своего народа, Галиуллин апеллирует не только категориями родной культуры, он обращается и к русской (на протяжении всей повести мелькают имена представителей русской литературы: А.С.Пушкина, М.Ю.Лермонтова, Б.Пастернака и др.). Причем они возникают в памяти автора практически случайно, к примеру, в главе «Писарь Галиулла» он вначале вспоминает, что в «Докторе Живаго» упоминался поручик с таким же именем. В главе фиксируются конкретные даты (финская война, Великая Отечественная война), но Т. Галиуллина важнее другое: показать значимость именно таких людей, как Галиулла, ставших отцами для многих, т. к. они несли в мир доброту, мудрость («һәрберебездә бу шәхеснең көче, жәрәге яши, давам итә» (в каждом живет сила, сердце этого человека)) [Галиуллин 2008: 47].

Особое место в повести занимают образы родителей писателя. Т. Галиуллин не просто вводит рассказ об отце в произведение, он связывает каждую деталь с общественной ситуацией в стране, так, показывая тяжелое положение крестьянства в послевоенные годы, вводит записи от имени отца. В октябре 1964 года отец записал: «Хрущевтан котылдык. Хәзер, може, халыкка хайван асарга бирерләр» (Избавились от Хрущева. Может быть, сейчас дадут возможность народу держать домашний скот) [Галиуллин 2008: 64]. Или другая запись: «Ат үлгәннән соң абзарны тезәтеп маташуның кемгә кирәге бар» (После смерти лошади кому нужна моя возня по восстановлению амбара) [Галиуллин 2008: 65].

Все эти записи позволяют показать тяжелое положение крестьянства в 60-70-ые годы, но не это важно автору, ему важнее сказать другое: философское понимание жизни не ушло со смертью отца, его мысли и идеи живут в детях и внуках, а это главное. Человек не уходит бесследно, он живет в сердцах потомков. Для татарского писателя важно внести в повествование и глубокую нравственную идею, связанную с пониманием места матери в жизни человека: «әти – хужа, абруй, әни – түбә» (отец – хозяин, авторитет, а мама – крыша) [Галиуллин 2008: 65]. Именно она сохраняет домашний очаг, сдерживает весьма горячего отца, всегда побеждая его своим спокойствием (сабырлагы белән жинде).

Писатель становится тонким бытописателем времени, отдавая свои воспоминания бумаге, позволяет сохранить всю их неповторимость и трогательность.

Совсем в другом ключе построено повествование в повести Алексея Варламова «Дом в деревне», которая имеет подзаголовок «Повесть сердца». Писателю не так важны какие-то конкретные реалии действительности, его движет другое. Произведения Варламова критики часто рассматривают в традициях «нового автобиографизма» (Н. Л. Лейдерман). А. Варламов постоянно обращается к собственной биографии, подвергает реальные факты художественной обработке.

И совсем не стремление запечатлеть картины прошлого толкнуло писателя к деревенской теме, ведь он не выходец из деревни. Ему не знакомы те чувства, которые в душе татарского писателя, вернувшегося в прошлое для того, чтобы запечатлеть самые яркие моменты душевного становления на страницах своего произведения. В самом начале повести Варламов пишет о доме в деревне как мечте, которая воплотилась в жизнь, «мне нужен был дом в деревне как точка отсчета, чтобы создать самого себя и вырваться за те границы, которые ставило передо мною благополучное городское существование». Это то, что можно назвать эгоцентрическими устремлениями, понимание деревни как средства для самореализации героя.

Реальная деревня в повести Варламова далека от того, что мы видим в произведении татарского писателя. Здесь царит разруха, пустота, покинули родные места

¹ Здесь и далее в тексте подстрочный перевод наш – Э.Н.

молодые люди и доживают свой век старики и старухи. Но также как у Галиуллина, деревня – это средоточие прошлого и связь с будущим. «Дом как будто нарочно поставлен в самом центре идеальной окружности и все вокруг вращается относительно него». И та же красота леса, поля, нескончаемая голубизна речки. Деревня, как и в произведениях А. Солженицына, связана с мотивом свободы, раздолья. Этому миру противопоставлен мир местного леспромхоза «Сорок второй»: «на первый взгляд селение напоминало партизанский лагерь времен Отечественной войны».

Деревня у Варламова как бы проходит проверку на прочность интеллигентским сознанием, такое видение деревенского быта вообще не было характерно для писателей «деревенской» прозы. «У Варламова герой сам выбирает место жительства, дом, потому что считает себя выше, чище, мудрее» [Личманова 2012: 38]. Однако в повести «Дом в деревне» ощущается разрыв героя А. Варламова с народом; с одной стороны, он стремится жить в деревне, но, с другой – никак не может стать органичной частью деревенской жизни. Будучи интеллигентом, он может любить деревню только на расстоянии.

В структуру повествования врывается дыхание прошлого, когда мы слышим рассказ Василия Федоровича Малахова, с которым сблизился герой Варламова, о своей жизни. Тут возникают в памяти читателя тяжелые картины прошлого: коллективизация, война, строительство деревни. И осколком «рухнувшей цивилизации» был старик Малахов, который никогда не состоял в колхозе, хотя жил в деревне, потому что «новая власть была для него властью оккупантов».

В повести Варламова показана вековая забитость русского мужика («колхозники довольно легко смирились с запретом, поменяв Михайлов день на годовщину социалистической революции»), и только дед Малахов в душе не мог «ни понять, ни простить землякам это отступничества». Причем тотальное одиночество человеческой души показывается не только через образ старика Малахова, но и его супруги, сына, односельчан. Проблема всеобщего обнищания человеческого духа проникает и в прозу о деревне. Если для татарского писателя важно показать вековое единство рода Галиуллиных, выросших с именами выдающихся представителей нации: Тукая, Джалиля, то в произведении Варламова трезвый взгляд на российскую действительность становится главным. Отсюда и вполне понятен настрой супруги Василия Федоровича: «Она всерьез подумывала о переезде в город и даже участвовала в областной лотерее, где разыгрывались городские квартиры». И в данном случае мы понимаем, что деревня действительно может остаться неким ковчегом в современном мире, тем местом, где еще сохранилась самобытная культура, духовность, но и сюда проникает тлетворное влияние современности.

Таким образом, «Повесть сердца» Варламова позволяет соприкоснуться с неповторимым внутренним миром самого писателя. Глубокое чувство любви к родным местам становится основой повествования Галиуллина. Лирическая стихия уходит на второй план, когда писатели воссоздают реальные картины современной им российской действительности и весомые страницы прошлого: коллективизацию, войны, послевоенное восстановление деревни, эпоху застоя, когда многие деревни опустели. Совершенно разные впечатления о деревне складываются у выходца из деревни, тесно связанного с крестьянским миром, и человеком, для которого покупка дома в деревне стала той точкой отсчета, которая позволяла «создать самого себя».

Эти произведения были взяты нами не случайно. Они позволяют наиболее полно представить картину современного восприятия мира деревни в произведениях русских и татарских писателей. Глубокая связь с миром деревни представлена в прозе Галиуллина и других татарских авторов, для них деревня – оплот, та основа, которая позволяет в человеке обнаружить глубокие нравственные основы, без которых нет будущего у нации. В русской прозе на первый план выходит идея нравственного совершенства отдельно взятого человека, здесь в большей степени за-

остраются общественные проблемы, на фоне которых происходит формирование человеческой души. Результатом эволюции, которую претерпела «деревенская» линия в прозе А.Варламова, становится не идеализация села, а остро критическое изображение деревни.

Литература

Варламов А. Дом в деревне / А.Варламов // Журнальный зал. <http://magazines.russ.ru/> (дата обращения: 10.07.2016).

Галиуллин Т. Мәкер. Повестьлар һәм хикәяләр / Т.Галиуллин. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2008. – 302 б.

Личманова Т.О. Тема деревни в творчестве А.Н.Варламова (на примере романов «Лох», «Затонувший ковчег», повестей «Рождение», «Дом в деревне») / Т.О.Личманова // Методический поиск: проблемы и решения. Региональный научно-методический журнал. Армавир: Армавирская государственная педагогическая академия, 2012. – № 1. – С. 35-40.

Современный литературный процесс / составитель Т.А.Тернова. – Воронеж, 2007. – 18 с.